

М.В. Рубец*

**Роль китайской языковой картины мира
в организации когнитивных процессов
её носителей**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена обзору когнитивных исследований, касающихся выявления характера влияния языковой картины мира на восприятие тех или иных явлений окружающей реальности носителями разных языков. В частности рассматриваются эксперименты, исследующие: а) влияние системы классификаторов китайского языка на восприятие и способы запоминания ряда предметов; б) восприятие движения времени носителями китайского и английского языков в его связи с существующими в этих языках терминами для его описания; в) влияние системы цветообозначений английского и китайского языков на характер восприятия цветового спектра носителями. Многие из описанных экспериментов подтверждают наличие уорфианского эффекта, что выводит на новый уровень дискуссии относительно характера взаимосвязи языковых явлений и когнитивных способностей. Неоднозначность результатов связывается автором с развитием сети Интернет и распространением английского языка, приведшим к меньшей степени погружённости испытуемых в собственную языковую картину мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайский язык, гипотеза Сепира-Уорфа, уорфианский эффект, эксперимент, восприятие, цветовой спектр, движение времени, классификаторы, когнитивные способности.

Проблема, обозначенная в заглавии данного исследования, впервые была поставлена в начале XX в. в рамках гипотезы лингвистической относительности, предполагающей взаимозависимость языка,

---

* Рубец Мария Владимировна, к.филос.н., м.н.с. сектора Восточных философий, ИФ РАН, Москва, Россия. E-mail: maria.bereznyak@gmail.com

культуры и мышления. Унаследовав из предыдущего столетия идеи В.Ф. Гумбольдта о том, что «членение мира» в разных языках различно, и о языке как инструменте освоения окружающего мира¹, этнолингвисты Э. Сепир и в ещё большей степени Б.Л. Уорф развивали мысль о том, что различия в языковой концептуализации влекут за собой также различия и в восприятии времени, пространства, материи, цветов и прочих категорий, которыми мы привыкли описывать реальность. К тому же временному периоду относится и появление термина «языковая картина мира» (далее ЯКМ), связанного с именами Л. Вайсгербера и Л. Витгенштейна.

Вопрос о влиянии языка на мышление и восприятие на протяжении всего XX века был предметом споров среди лингвистов, философов, представителей когнитивных наук и др. Сформировались два основных направления: релятивисты (сторонники лингвистической относительности) и универсалисты (сторонники идеи независимости познания, мышления, восприятия и т.д. от структуры языка). Универсалистский подход изначально был сформулирован и развит в работах Н. Хомского² и затем продолжен Г. Фоллмером³, С. Пинкером⁴. Эмпирические проверки также настойчиво опровергали лингвистическую относительность: Р. Браун и Э. Леннеберг (1954) обнаружили независимость способности распознавания и запоминания цветов от наличия их обозначений в языке среди носителей английского и зуни⁵, Б. Берлин и П. Кэй на примере большого количества языков выявили закономерности и этапы возникновения и развития терминов для обозначения т.н. «фокальных» цветов в языке⁶; психолог Э. Рош (Хейдер) показала независимость восприятия и запоминания «фокальных» цветов от языковой концептуализации частей цветового спектра среди американцев и дани⁷ и т.д.

---

¹ Гумбольдт В. ф. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. ф. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем., под ред. и с предисл. Г.В. Рамшивили; послесл. А.В. Гулыгин, В.А. Звегинцева. М., 1984. С. 80.

² Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Пер. В.А. Звегинцева. М., 1972.

³ Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998. С. 132, 133.

⁴ Пинкер С. Язык как инстинкт / Пер. Е. Кайдаловой. М., 2004. С. 51.

⁵ Brown R.W., Lenneberg E.H. A study in Language and Cognition // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. 49. P. 454–462.

⁶ Berlin B. & Kay P. Basic Colour Terms: their Universality and Evolution. University of California Press, Berkeley, 1969.

⁷ Heider E. 'Focal' Color Areas and the Development of Color Names // Developmental Psychology. 1971. 4. P. 447–455; Heider E. Probabilities, Sampling, and Ethnographic Method: The Case of Dani Color Names // MAN. 1972. 7. P. 448–466; Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. 4. P. 328–350.

Тем не менее, несмотря на, казалось бы, убедительные опровержения релятивизма, исследования в этом направлении продолжались. В 1996 г. вышел сборник статей под редакцией Дж. Гумперца и С. Левинсона «Rethinking Linguistic Relativity», представивший новый подход к проблеме языковой относительности, учитывающий современные когнитивные теории мышления, современное понимание «языка» и подкреплённый обширным эмпирическим материалом. Это стало началом так называемой «неоуорфианской парадигмы». Очень содержательными в плане отражения восприятия и его прямой связи с ЯКМ являются их междисциплинарные экспериментальные исследования, сочетающие в себе лингвистику и психологию. Эти эксперименты позволили чётко зафиксировать различия в восприятии и скорости реакции испытуемых — носителей различных языков, в т.ч. и китайского, на разные типы заданий. Таковыми стали исследования Роберсон, Дэвиса, Давидофф (2000), выявившие отличия в скорости выполнения заданий по разграничению предложенных цветов носителями английского и беринмо, имеющих отдельное слово для зеленовато-жёлтого оттенка, но не различающих зелёный и синий⁸; тесты, проводимые исследовательской группой Дж. Винавер, Н. Виттхофт, М. Франк, Л. У, А. Уэйд, Л. Бородински (2007 г.) на русско- и англоязычных испытуемых, выявившие более высокую скорость различения голубых и синих цветов носителями русского языка⁹ и т.д. В России подобные исследования проводятся, например, О.А. Гончаровым и Н.Н. Князевым¹⁰. Другие исследования, проводившиеся в лаборатории Левинсона, показали также зависимость представлений о движении времени от пространственных метафор, описывающих время в том или ином языке¹¹. Таким

---

⁸ *Roberson D., Davies I., Davidoff J.* Color Categories are not universal: Replications and new evidence from a stone-age culture // *Journal of experimental psychology. General.* 2000. Sep. 129 (3). P. 369–398.

⁹ *Winawer J., Witthoft N., Frank M., Wu L., Wade A. Boroditsky L.* Russian blues reveal effects of language on color discrimination // *Proceedings of the National Academy of Sciences* 2007 (doi: 10.1073/pnas.0701644104). URL: <http://www.pnas.org/content/104/19/7780.full> (дата обращения: 25.05.2015).

¹⁰ *Гончаров О.А., Князев Н.Н.* Лингвистическая детерминация восприятия цветов у русских и коми [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 2. URL: www.psyanima.ru/journal/2010/2/2010n2a1/2010n2a1.pdf (дата обращения: 25.05.2015).

¹¹ Напр.: *Boroditsky L., Gaby A.* Remembrances of times East: Absolute Spatial Representations of time in an Australian Aboriginal Community // *Psychol. Sci.* 2010 (doi: 10.1177/095679610386621); *Boroditsky L., Does Language Shape*

образом, проблема лингвистической относительности, взятая в новом — когнитивном — аспекте, вновь обрела актуальность.

В последние два десятилетия приобрели особую актуальность информационные психолингвистические исследования в этой области. Благодаря новейшим компьютерным технологиям и современным способам обработки данных стало возможным экспериментально проверить воздействие языка на восприятие, мышление, способности категоризации, память и другие когнитивные способности и даже измерить и выразить в количественных показателях степень этого воздействия. Новые накопленные данные, касающиеся вопроса взаимосвязи когнитивных процессов и языка, должны быть интегрированы в систему эпистемологического знания и должным образом проинтерпретированы.

В частности, детально исследуются отличия в когнитивных операциях, обусловленные особенностями языковых картин мира, между китайцами и европейцами. В данной статье исследуется проблема влияния языковой картины мира на восприятие у представителей китайской и западной культур. Будут рассмотрены некоторые эксперименты с участием представителей западных и иероглифических культур (Китай, Япония), проведённые в последние десятилетия, в которых проверяется уорфианский эффект отдельных фрагментов языковой картины мира.

В психолингвистической литературе последних десятилетий описано довольно много сравнительных исследований экспериментального характера, нацеленных на выяснение влияния того или иного вида концептуализации на принципы объединения предметов в группы, на запоминание, на скорость решения различных задач и т.д. Очень разнообразными в этом плане являются исследования влияния системы классификаторов (и их отсутствия) на когнитивные предпочтения носителей разных культур.

Как известно, уорфианская парадигма предполагает формирование определённых когнитивных привычек под влиянием ЯКМ. Рассматриваемые нами ниже эксперименты касаются выявления влияния системы классификаторов китайского языка на организацию восприятия, группирования и запоминания предметов его носителями.

Thought?: Mandarin and English Speakers' Conceptions of Time // *Cognitive Psychology*. 2001. 43 (1). P. 1–22; *Boroditsky L., Fuhrman O., McCormick K.* Do English and Mandarin speakers think differently about time? // *Cognition*. 2010. 118 (1). P. 123–129. Подробнее см.: *Borodai С.Ю.* Язык и структура когнитивности (критический обзор) (в печати).

Влияние системы классификаторов китайского языка на восприятие, запоминание, воспроизведение ряда слов или перцептивных образов

В 1998 году Б. Шмиттом и Ши Чжаном был поставлен ряд экспериментов с участием китайско- и англоговорящих испытуемых. На первых двух этапах исследования участникам был предложен ряд существительных, которые нужно было сгруппировать в пары. Целью было выяснить, используют ли китайцы систему классификаторов, представленную в их языке, как основу для отнесения предметов к той или иной группе. Эксперименты показали, что китайскоговорящие испытуемые почти вдвое чаще склонны группировать предметы в соответствии с классификаторами, принятыми в китайском языке, чем англоговорящие испытуемые. Третий эксперимент был нацелен на выяснение влияния системы классификаторов на запоминание ряда существительных, представленных в случайном порядке, которые после окончания презентации нужно было записать одно под другим. Эксперимент показал не только склонность китайцев к запоминанию слов по группам, соотносимым с классификаторами, но и общее превосходство запоминания слов у китайцев над носителями английского языка. В четвёртом эксперименте вместе с китайцами участвовали японцы (в качестве контрольной группы). В японском языке также существует система классификаторов, однако она отличается от таковой в китайском языке: многие категории не совпадают по отнесению к ним предметов. Испытуемым были представлены фотографии предметов, входящих в категории 把 (имеющие рукоятку) и 条 (полоска) для китайцев. Все они относятся к одной классификационной группе в японском языке. Одной группе (в которую входили и китайские, и японские испытуемые) демонстрировались фотографии предметов, зажатых в руке, другой группе — без руки. Задачей было определить, какие из фотографий лучше всего подходят для рекламных целей. Был получен ожидаемый результат: большое преимущество голосов получили фотографии предметов категории 把 (имеющие рукоятку), зажатые в руке, в китайской группе. Японцы не показали значимых различий в голосовании за какой-либо из предметов¹².

На основании проведённого исследования и того факта, что китайские маркетологи часто располагают товары в супермаркетах по отделам в соответствии с их соотносённостью с тем или иным клас-

---

¹² Zhang Sh., Schmitt B. Language-Dependent Classification: The Mental Representation of Classifiers in Cognition, Memory and Ad Evaluations // Journal of Experimental Psychology. 1998. 4. P. 375–385.

сификатором, авторы исследования сделали вывод о мощном влиянии языковой картины мира на способы организации, запоминания, восприятия предметов¹³.

Аналогичных описанному исследований было проведено довольно много, их результаты часто показывали уорфианские эффекты. Подробный обзор этих исследований можно найти в книге С.Ю. Бородая «Язык и структура когнитивности (критический обзор)»¹⁴.

Я приведу ещё одно исследование на эту тему, частично повторяющее описанный выше эксперимент. Однако в результате этого исследования авторы пришли к несколько иным выводам относительно влияния системы классификаторов на восприятие реальности носителями китайского языка.

В 2011 году Хуан Шу-пин и Чжэнь Жэнь-ю (Huang Shuping & Chen Jenn-Yeu) решили проверить, каким образом у китайцев происходит запоминание случайно представленных слов: влияет ли на способ запоминания система классификаторов китайского языка или здесь действуют другие принципы. Они составили два списка по 20 слов, в первом из которых слова группировались по четырём разным классификаторам, во втором — по четырём таксономическим признакам. Слова из каждого списка демонстрировались двум группам испытуемых (студентов одного из Тайваньских университетов 18–24 лет) в случайном порядке, в первой группе сначала демонстрировался первый список, потом второй, во второй группе — наоборот. После просмотра слов участники эксперимента должны были воспроизвести как можно больше слов из списка. Анализ результатов показал, что слова, представленные вне контекста, запоминаются китайцами исключительно по принципу семантической близости и классификационная система не оказывает никакого влияния на принципы группирования слов по каким-либо иным признакам, кроме таксономических. Для чистоты эксперимента был проведён второй этап исследования, в котором слова из двух списков демонстрировались вместе с обобщающими их классификаторами и таксономическими показателями соответственно. После демонстрации списка участники должны были воспроизвести как можно больше слов на чистом листе бумаги. Однако и во втором эксперименте испытуемые показали более высокие результаты запоминания слов, сгруппированных по таксономическим признакам, чем по классификаторам. Авторы исследования приходят к выводу, что система классификаторов в языке имеет иную природу,

---

¹³ Ibid. P. 384.

¹⁴ Бородая С.Ю. Указ. соч. С. 79.

чем таксономическая классификация и что люди склонны классифицировать предметы в соответствии с последней¹⁵.

Любопытно, что настолько противоположные результаты были получены в довольно похожих друг на друга экспериментах. Если в первом из описанных нами исследований действительно имел место уорфианский эффект, то во втором этот эффект почти сошёл на нет. Объяснением может служить, на наш взгляд, временной разрыв между двумя экспериментами: первое из исследований было проведено на 13 лет раньше, чем второе. Возможно, из-за того, что в 1998 г. Интернет ещё не имел такого широкого распространения, процессы глобализации ещё не имели столь сильного влияния на китайцев, поэтому языковая картина мира оставалась мощным инструментом описания и членения реальности. В настоящее время раннее обучение китайских детей английскому языку может изменить степень влияния их родной языковой картины мира (в частности, системы классификаторов) на восприятие реальности.

Это предположение соотносится с тем фактом, что описанная Лакоффом сложная именная классификация языка *дъирбал* присутствовала в языке ещё в 1960-е годы, когда англоязычная культура имела ещё не слишком сильное влияние на коренное население Австралии. Исследования Анетты Шмидт, проведённые в 1980-х годах, показали заметное упрощение категориальной системы в языке молодых носителей *дъирбала*, с детства учащихся в англоязычных школах, в частности, сокращение количества классификаторов до 3-х: мужчины — женщины — всё остальное¹⁶.

Таким образом, изучение влияния языковой картины мира (в частности, системы классификаторов) на восприятие необходимо проводить более тщательно, учитывая многие сопутствующие факторы, возможно, не среди студентов университетов, а среди населения маленьких городов и даже деревень, более тесно связанных с этнической «наивной» картиной мира и не слишком сильно подверженных инокультурному влиянию. На данном этапе результаты исследований не дают однозначного ответа на вопрос о зависимости когнитивных способностей от такого фрагмента языковой картины мира, как классификаторы.

---

¹⁵ Huang Sh., Chen J-Y. The Effects of Numeral Classifiers and Taxonomic Categories on Chinese and English Speakers' Recall of Nouns // Journal of East Asian Linguistics. 02/2014. Vol. 23 (1). P. 27–42.

¹⁶ Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № XXIII. С. 19.

Влияние пространственных метафор на представления о движении времени

Вопрос о степени влияния языка (родного и иностранного) на представления о движении времени у китайцев был впервые поставлен в экспериментах, проведённых американским когнитивным психологом Л. Бородитски и описанных ею в статье «Формирует ли язык мышление? Концепции времени у китайско- и англоговорящих людей»¹⁷. В экспериментах участвовали носители китайского и английского языков. Автор исследования отталкивалась от известного факта, что английский и китайский языки имеют разные способы передачи временных отношений — английский язык в основном репрезентирует время как что-то «горизонтальное» (при описании последовательности промежутков времени или событий в нём преобладают «горизонтальные» пространственные метафоры, как, например, «next time», «the day after tomorrow»), в то время как китайский язык обычно описывает время как нечто «вертикальное» (上月 *прошлый месяц*, 上周 *прошлая неделя*, 上次 *прошлый раз*, где 上 — *верх/верхний*, для обозначения следующих *месяца, недели, раза* используется пространственный иероглиф 下 — *низ/нижний*).

Л. Бородитски предположила, что если родной язык действительно оказывает долгосрочное воздействие на то, как воспринимается время, то носители китайского языка должны отвечать на чисто временные целевые вопросы (например, «март прибывает ранее, чем апрель») на фоне решения «вертикальных» пространственных задач быстрее, тогда как носители английского языка, напротив, должны быстрее решать «горизонтальные» задачи, потому что «горизонтальные» метафоры для описания времени в английском языке используются чаще. Поскольку задания для обеих групп давались на английском языке, то оказывалась весьма эффективной проверка влияния языка на мышление. Если носители китайского языка действительно проявляют склонность к «вертикальному» мышлению о времени, даже когда они «думают по-английски», то язык действительно играет важную роль в формировании интеллектуальных привычек у тех, кто на нём говорит¹⁸.

Во всех трёх экспериментах испытуемым предлагался ряд заданий, состоящих из пространственных изображений (вертикальных или горизонтальных), вопросов об этих изображениях (true/false) и целевых вопросов о времени (также true/false). Изображения были пространственными сценариями, сопровождаемыми описательным

---

¹⁷ Boroditsky L. (2001) Op. cit.

¹⁸ Ibid. P. 4–7.

предложением, и были либо «горизонтальными» (белый червяк *перед* чёрным), либо «вертикальными» (белый мяч *над* чёрным). Целевыми вопросами были утверждения о времени: либо утверждения типа *перед/после* (например, «март стоит перед апрелем») или типа *раньше/позже* (например, «март приходит раньше, чем апрель»). После описания каждого эксперимента автор статьи представил результаты, выраженные в цифрах (скорость ответа участников в мс).

В первом из экспериментов носители китайского языка имели тенденцию думать о времени как вертикально движущемся, даже когда они думали на английском языке (время реакции при решении задачи о том, что март приходит раньше, чем апрель, было меньше, если они видели вертикальный ряд, чем если видели горизонтальный, и обратное было верно для носителей английского языка). Другой эксперимент показал, что степень, до которой англо-китайскоговорящие билингвы думают о времени вертикально, зависела от того, в каком возрасте они начали изучать второй язык. «Возраст приобретения» английского языка был прямо пропорционален склонности к «вертикальному» восприятию времени. В третьем эксперименте участников, для которых английский является родным языком, обучили говорить о времени, используя вертикальные пространственные понятия таким образом, как это делают китайцы. В последующем тесте эта группа показала ту же склонность к вертикальному представлению о времени, которая была замечена у носителей китайского языка¹⁹.

На основании проведённых экспериментов автор статьи сделала следующие выводы: (1) язык — мощный инструмент в формировании представлений об абстрактном, и (2) родной язык играет важную роль в формировании бытового мышления (например, того, как человек склонен думать о времени), но он полностью не определяет мышление в сильном смысле Уорфа²⁰.

По мысли Л. Бородитски, пространственные метафоры могут переноситься на те аспекты времени, которые выходят за пределы бытового перцептивного опыта. «В случае пространства и времени, использование пространственных метафор для описания времени приводит к структурному соответствию между этими двумя областями и может стать причиной переноса относительной структуры из области пространства в область времени. Существующие в языке разграничения между пространством и временем начинают действовать в области времени. Следовательно, когда пространственно-

---

¹⁹ Ibid. P. 8–18.

²⁰ Ibid. P. 1.

временные метафоры различаются, то же самое может происходить с представлениями о времени у носителей соответствующих языков»²¹. Таким образом, когда сенсорная информация оказывается недостаточной или неубедительной (как с направлением движения времени), языки могут играть самую важную роль в формировании мышления их носителей²².

После описанного эксперимента был проведён ряд других исследований, результаты которых не всегда совпадали с результатами Л. Бородитски²³.

Через девять лет после описанного выше эксперимента Л. Бородитски в соавторстве с Орли Фурман и Келли МакКормик провела ещё один эксперимент, проверяющий воздействие языковой картины мира на восприятие движения времени, выведя его в новую плоскость. Испытуемым предъявлялись визуальные ряды, отображающие временную последовательность (например, наполнение чашки кофе, лицо человека в молодости и старости), о которых задавался вопрос «раньше/позже». Часть испытуемых, в число которых входили и носители английского, и носители китайского, отвечали на эти вопросы, нажимая кнопки «раньше» и «позже», расположенные вертикально относительно друг друга, у другой части испытуемых кнопки располагались горизонтально. В ходе эксперимента в группах, у которых кнопки были расположены вертикально, носители китайского показали высокую скорость в ответах, а носители английского справились с ответами с большим трудом либо не справились вообще (см. рис. 1).

Таким образом, было получено подтверждение влияния языковой привычки китайцев говорить о времени как вертикально движущемся на их пространственные представления о времени²⁴.

---

²¹ Ibid. P. 20

²² Ibid.

²³ See *Chen J.Y.* Do Chinese and English speakers think about time differently? Failure of replicating Boroditsky (2001). *Cognition*. 2007. 104 (2). P. 427–436; *January D. & Kako E.* Re-evaluating evidence for the linguistic relativity hypothesis: Response to Boroditsky (2001) // *Cognition*. 2007. 104 (2). P. 417–426; *Liu L. & Zhang J.* The effects of spatial metaphorical representations of time on cognition // *Foreign Language Teaching and Research*. 2009. 41 (4). P. 266–271; *Tse C.-S. & Altarriba J.* Evidence against linguistic relativity in Chinese and English: A case study of spatial and temporal metaphors // *Journal of Cognition and Culture*. 2008. 8. P. 335–357.

²⁴ *Boroditsky L., Fuhrman O., McCormick K.* (2010) Op. cit. P. 123–129.

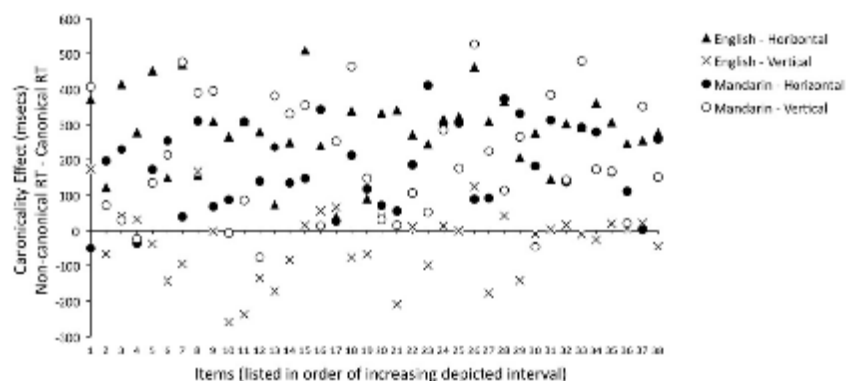

Рис. 1

На представленной выше диаграмме видно, что китайскоговорящие испытуемые с горизонтальной ориентацией клавиши ответа показывали сравнимые с англоговорящими испытуемыми результаты. Это объясняется тем, что в английской ЯКМ вообще отсутствуют вертикальные временные метафоры, а в китайской ЯКМ время описывается не только вертикальными пространственными метафорами, но и горизонтальными.

Лингвист Тань Аошуан, исследующая китайскую ЯКМ, выделяет четыре пары антонимов, обозначающих в китайском языке временные соотношения событий, только одна из которых вертикальная:

– первая пара горизонтальных метафор 前/后 — *раньше/позже*, относится к таким последовательностям, как поколения (предыдущее-последующее), соотношения временных промежутков (до какого-л. события — после какого-л. события) и т.д.

– вторая пара 先/后 — *сначала/потом*

– третья пара 来/去 — *приходящее/уходящее* — метафоры движения к говорящему (来年 — будущий год, букв. *приходящий*) и от говорящего (去年 — прошлый год, букв. *ушедший*), в связи с чем будущее время называется в китайском 未来 (*не пришедшее*), а прошлое — 过去 (*прошедшее, ушедшее*)²⁵.

Тем не менее, нельзя исключать и влияние культурного фактора, определяющего представления о направлении движения времени.

Было проведено несколько экспериментов с участием материковых китайцев и тайваньцев, показывающих, что важную роль в

²⁵ Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 33–42.

представлениях о движении времени играет преобладающее в культуре направление письменного текста²⁶. Были одновременно протестированы материковые китайцы, тайваньцы и англоговорящие испытуемые. Выбор объяснялся тем, что в материковом Китае и на Тайване тексты принято писать по-разному: в Китае (в последние 50 лет), как и в европейских странах, слева направо, а на Тайване — до сих пор сверху вниз, хотя написание текстов слева направо также встречается. Результаты эксперимента показали, что англоговорящие испытуемые имели тенденцию раскладывать хронологические ряды строго слева направо, материковые китайцы в большинстве случаев поступали аналогично англоговорящим, редко вертикально, тайваньцы же в равной степени раскладывали и вертикально сверху вниз, и горизонтально слева направо²⁷.

Аналогичные эксперименты, проведённые с участием арабоязычных испытуемых, показали их склонность к расположению хронологических рядов справа налево, в соответствии с направлением письма, принятым в культуре²⁸.

Таким образом, в вопросе о зависимости восприятия времени от пространственных метафор, существующих в языковой картине мира, среди исследователей существуют разногласия. Одни эксперименты показывают, что носители китайского языка, имеющие в языковой картине мира вертикальные пространственные метафоры, имеют тенденцию быстрее решать задачи, если кнопки ответа расположены на клавиатуре вертикально, что является подтверждением влияния языковой картины мира на восприятие движения времени. Другие показывают, что привычка думать о направлении течения времени обуславливается культурными особенностями, в частности, направлением написания текста, принятым в данной культуре.

Влияние цветовых терминов на восприятие цветов и оттенков

Самым спорным тезисом, вытекающим из гипотезы лингвистической относительности, стало предположение о том, что разные народы, в зависимости от наличия и количества цветовых терминов в языке, определённым образом членивших цветовой спектр, по-разному

---

²⁶ См. Chan T.T., Bergen B. (2005), Chen J-Y., Friederich M., Shu H. (2013) и др.

²⁷ Chan T.T., Bergen B. Writing Direction Influences Spatial Cognition // Proceedings of the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society. 2005. P. 412–417.

²⁸ Tversky, B., Sol, K., & Winter, A. Cross-Cultural and Developmental Trends in Graphic Productions // Cognitive Psychology. 1991. 23. P. 515–557.

воспринимают цвета. История исследований этого вопроса, проводившихся на протяжении XX в., показывает, что их авторы сходились в одном: такое явление, как восприятие цвета, является генетически обусловленным и наличие или отсутствие определённых цветоименований в языке не влияет на способность воспринимать соответствующие цвета²⁹.

Однако в конце XX — нач. XXI в. начали появляться подтверждения относительной обусловленности цветового восприятия языковой картиной мира³⁰. В лингвистике, антропологии, когнитивной психологии было собрано немало подтверждений того, что ЯКМ действительно способна оказывать определённое влияние на наше восприятие реальности. Последние эксперименты в области когнитивной психологии показывают, что в зависимости от концептуализации в языке представители разных языковых сообществ действительно склонны воспринимать те или иные явления немного по-разному. В частности, отличается восприятие синей части спектра у носителей русского и английского языков: русские быстрее проводят границу между голубыми и синими оттенками, чем англоговорящие испытуемые. Это связывается с наличием в русском языке отдельных слов для голубого и синего оттенков в отличие от английского языка³¹.

Более тщательные эксперименты когнитологов показали, что выученный язык влияет на восприятие цвета, если последний представлен в правом полуполе зрения, что связывают с тем, что информация из правого полуполя попадает в левое полушарие, которое является доминантным в освоении языка³². Дети, ещё не выучившие родной язык, показывают противоположную взрослым испытуемым тенденцию: они различают целевую цветовую точку, если она расположена в левом полуполе, но не в правом; а дети (того же возраста), овладевшие языком, показывают результаты, аналогичные результатам

---

²⁹ *Brown R.W., Lenneberg E.H.* Op. cit.; *Berlin B., Kay P.* Op. cit.; *Heider E.* (1971) Op. cit., *Heider E.* (1972) Op. cit., *Rosch E.* (1973) Op. cit.

³⁰ *Roberson D., Davies I., Davidoff J.* Op.cit.; *Winawer J., Witthoft N., Frank M., Wu L., Wade A. Boroditsky L.* Op.cit.; *Гончаров О.А., Князев Н.Н.* Указ. соч.

³¹ *Khamsi R.* Russian speakers get the blues // *Proceedings of the National Academy of Sciences* (doi: 10.1073/pnas.0701644104). URL: www.newscientist.com (дата обращения: 07.05.2015).

³² *Gilbert A.L. et al.* Whorf hypothesis is supported in the right visual field but not the left // *Proceedings of the National Academy of Sciences.* 2006. 103. P. 489–494.

взрослых испытуемых: различают целевую цветовую точку, если она располагается справа³³.

Эти эксперименты подтверждают, что не только наше восприятие обуславливает концептуализацию реальности в языке, но и сама ЯКМ в свою очередь обуславливает наше восприятие.

Далее нас будет интересовать влияние китайской ЯКМ на восприятие китайцами цветовых оттенков.

Известно, что цветовые (односложные) термины современного китайского языка отражают практически все «фокальные» цвета: красный, жёлтый, зелёный, синий, белый, чёрный и т.д. Однако в китайской ЯКМ существует также термин, которому нет соответствия в языках SAE (Standard Average European — все современные индоевропейские языки, по Уорфу), — это 青 qīng, обозначающий всю синезелёную часть спектра, а также *густой, глубокий, тёмный, чёрный* и ассоциируемый китайским языковым сознанием с весной, востоком и молодостью. Этот иероглиф существует и в японском языке, в котором он имеет то же самое значение³⁴. Тем не менее, параллельно с понятием 青 в китайском (как и в японском) языке существуют и термины, обозначающие отдельно *синий* (藍 lán) и *зелёный* (绿 lǜ) цвета. В.А. Богушевская, говоря о возникновении имён цветов (ИЦ), указывает на семантическое расширение односложных лексем — обозначений растений, минеральных красителей, объектов живой и неживой природы, окрашенных в тот или иной цвет шёлковых тканей и т.д. как способ создания цветовых терминов. В частности, ИЦ *синий* произошло от названия *индигоносного растения* ‘藍’, на что указывает и детерминатив *травы* (+), стоящий сверху, а ИЦ *зелёный* произошло от понятия *желтовато-зелёная шёлковая ткань* ‘绿’, детерминативом которого является *нить* 糸³⁵.

Ещё одним важным отличием китайской цветовой терминологии от, скажем, английской является отсутствие в китайском языке односложного термина (и, соответственно, иероглифа), обозначаю-

---

³³ Franklin A. et al. Lateralization of categorical perception of color changes with color term acquisition // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. 105 (47). P. 18221–18225.

³⁴ Велжицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 231–291; Шиманская А.С. Семантика цвета в японской культуре: дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01. М., 2014.

³⁵ Богушевская В.А. Пути возникновения цветоименований китайского языка // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: Материалы X международной конференции (Москва, 21–22 ноября 2012 г.). М. 2012. С. 33–38.

шего розовый цвет. Для его обозначения используется бином 粉红 fěnhóng, буквально переводимый как *белый+красный* (или *розовый+красный*). Изначальное значение первого иероглифа 粉 — *порошок, мука, белила*, параллельное значение — *розовый, румяна*³⁶. Несмотря на то, что в некоторых словосочетаниях иероглиф 粉 может означать розовый цвет (как, например, 粉牡丹 — *розовый пион*³⁷), тем не менее, он редко используется самостоятельно в этом значении и обычно употребляется в бинеме 粉红, что говорит о том, что розовый цвет китайским языковым сознанием воспринимается как оттенок красного.

Имея в виду вышеописанные факты, обратимся к сравнению восприятия цветов англо- и китайскоязычными испытуемыми.

Своеобразное исследование этого вопроса провёл тайваньский программист Ли Му-юэ, создавший на основе данных из Википедии по названиям цветов в английском и китайском языках визуализацию, наглядно показывающую несоответствие англоязычной и китайской цветовой терминологии³⁸. Он обращает внимание на то, что в английском языке цветовая терминология гораздо богаче, чем в китайском, а также на то, что наиболее часто встречающимися базовыми фокальными цветами в китайском языке являются (в порядке убывания) красный, синий и зелёный, тогда как в английском — синий, зелёный и розовый (см. рис. 2).

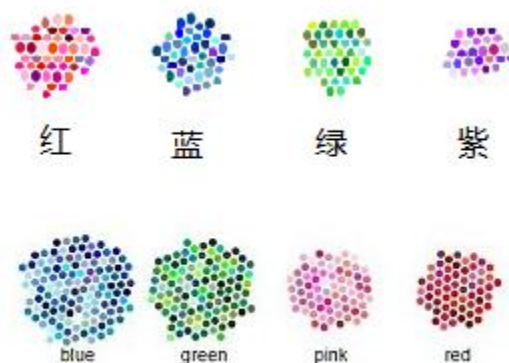

Рис. 2

³⁶ URL: <http://bkrs.info/slovo.php?ch=粉> (дата обращения: 01.06.2015).

³⁷ Там же.

³⁸ URL: <http://muyueh.com/greenhoney/> (дата обращения: 01.06.2015).

Причиной наибольшей распространённости красного цвета в качестве базового Ли Му-юэ видит в его соотнесённости с символической счастья в китайской культуре.

Ещё один момент, на который обращает внимание автор визуализации, касается иероглифа 青, который он называет «загадочным», поскольку никто толком не знает, какой в точности цвет им обозначается³⁹. Это отражено и в визуализации, на которой наглядно видно, какой широкий спектр оттенков обозначает данный иероглиф (см. рис. 3).

Однако нам это исследование интересно с другой точки зрения. Рассмотрим ближе основные фокальные цвета китайского языка, о которых говорит Ли Му-юэ (см. рис. 4).

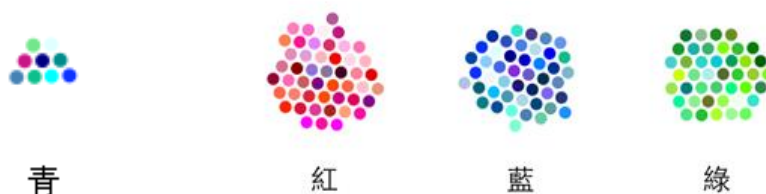

Рис. 3	Рис. 4
--------	--------

На изображении видно, что в категорию красного цвета (это все ИЦ, включающие иероглиф 紅) попали оттенки и красного, и розового, и бежевого, и даже фиолетового цветов, в то время как на диаграмме, отражающей английские цветоименования, розовый и красный цвета образуют собственные, довольно многочисленные множества. Это может свидетельствовать в пользу того, что наличие в языке отдельных терминов для цветов (в данном случае — *pink*) позволяет его носителям видеть их как самостоятельные, а не как оттенки других, фокальных цветов.

Обратимся теперь к множествам синих (藍) и зелёных (綠) оттенков китайского языка. В целом оба множества соответствуют представлениям об этих цветах носителей и английского (см. рис. 2), и русского языков. Исходя из того, что синий цвет (藍) получил своё название от растения, из которого добывался синий краситель *индиго*, можно предположить, что данный иероглиф должен включаться в названия оттенков, действительно имеющих своим фокальным цветом синий. Однако, при ближайшем рассмотрении становится видно,

³⁹ Там же.

что в множестве, образуемом оттенками синего, встречаются цвета, которые мы как носители русского языка отнесли бы к зелёным. Обратное верно и для множества оттенков зелёного (см. рис. 4). О чём может свидетельствовать данное явление? На наш взгляд, такого рода «неразличение» синего и зелёного оттенков связано с наличием в языке третьего — «загадочного» — цветового термина 青, объединяющего своим значением всю сине-зелёную часть спектра. Этот иероглиф употребляется в таких устойчивых словосочетаниях, как 青天 qīng tiān *синее небо* и 青草 qīng cǎo *зелёная трава*, что действительно говорит о равнозначности обозначений им как зелёного, так и синего цветов. В повседневной жизни этот термин практически не используется в качестве реального ИЦ (за исключением устойчивых выражений), и вместо него употребляются 藍 и 綠.

Здесь мы видим тесную взаимосвязь ЯКМ и восприятия. В китайской ЯКМ присутствует цветовой термин, объединяющий своим значением два (и даже три) цвета, для которых, в свою очередь, есть отдельные ИЦ. Однако, как мы увидели, оттенки, названия которых образованы от этих ИЦ, не соответствуют полностью тем цветам, которые значатся под этими наименованиями. По нашему мнению, это является следствием того, что общий для этих цветов термин всё ещё присутствует в идиомах, и это до некоторой степени обуславливает восприятие цветовых оттенков и их отнесение к той или иной части спектра.

Итак, в статье была рассмотрена проблема влияния языковой картины мира на формирование восприятия некоторых областей реальности в условиях глобализирующегося мира и распространения информационных технологий. В частности, были рассмотрены сравнительные исследования, проведённые на носителях английского и китайского языков, касающиеся влияния системы классификаторов на когнитивные способности испытуемых; эксперименты, проверяющие воздействие языковой картины мира на восприятие движения времени у представителей китайско- и англоязычных культур, а также визуализация, отражающая цветоименования, существующие в английском и китайском языках. Результаты у первых двух видов исследований оказались противоречивыми. В зависимости от дизайна эксперимента, выбранной группы испытуемых и т.п. влияние языковой картины мира на когнитивную деятельность либо подтверждается, либо нет. Ряд исследований предлагает объяснение представлений о движении времени культурной обусловленностью (направлением написания текста, принятым в культуре). Третье из рассмотренных исследований показывает тесную взаимосвязь ЯКМ и восприятия, хотя и не выявляет характера этой взаимосвязи. Таким

образом, вопрос влияния ЯКМ на восприятие и другие когнитивные способности до сих пор остаётся открытым и нуждается в более тщательных исследованиях. В настоящее время иностранные и инокультурные влияния, а также влияния телекоммуникаций, сети Интернет, вероятно, оказываются сильнее, чем влияние традиционной ЯКМ. Раннее изучение детьми иностранных языков повышает конкурентоспособность китайцев, но вместе с этим размывает традиционное мировосприятие. Возможно, экспериментаторы не учли влияния места проживания, образования, времени пользования Интернетом и тому подобных факторов на степень погружённости в родную ЯКМ.

Mariya Rubets*

**The role of the Chinese language picture of the world
in the organization of cognitive processes of its carriers**

ABSTRACT: The article provides an overview of cognitive studies on identifying the nature of the influence of a language picture of the world on the perception of the phenomena of surrounding reality by speakers of different languages. In particular the author considers experiments, exploring a) the impact of the system of Chinese classifiers on perception and ways of remembering a number of items; b) perception of the time motion by native Chinese and English speakers in its relationship with the spatial representations of time in English and Mandarin language; c) the impact of color terms on the perception of the color spectrum by English and Mandarin speaking people. Due to the ambiguity of the results of the experiments the author makes conclusions about the purity of the experiments, less immersion of the participants in their own language picture of the world because of the development of the Internet and the spread of the English language.

KEYWORDS: Mandarin, Sapir-Whorf hypothesis, Whorfian effect, experiment, perception, color spectrum, time, classifiers, cognitive abilities.

* Rubets Mariya Vladimirovna, PhD, Junior Research Fellow in Department of Oriental Philosophies, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: maria.bereznyak@gmail.com